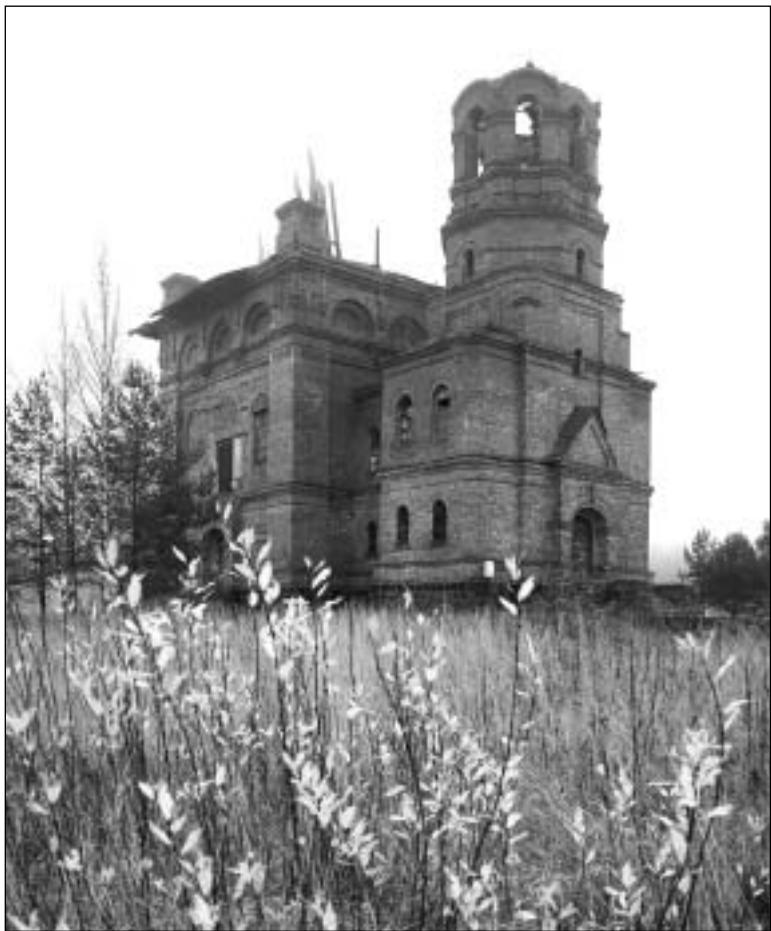

Архивный след

Церковь преподобного Петра Афонского и Святой княгини Ольги в деревне Морье.

уезда СПбургской епархии» благочинным Шлиссельбургского округа протоиереем Благовещенским Виктором Ивановичем по благословию Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония состоялось 10 января 1906 года. По указу Духовной консистории от 29 ноября 1907 года за № 8055 при церкви был открыт самостоятельный приход причтом из священника и псаломщика. Расстояние от храма до консистории составляло 53 версты, а Благочинный находился в 31 версте от Морье.

Строительница храма Ольга Александровна Глазова не жалела для церкви личных средств. В вечное обеспечение причта она положила в государственный банк на специальный счет храма капитал в размере двадцати тысяч рублей, проценты с которого выдавались поровну священнику и псаломщику четыре раза в год в первых числах марта, июня, сентября и декабря.

В Первом Российском страховом от огня обществе храм был застрахован на 36 тысяч рублей, а причтовый дом с пристройками — на 3500 рублей. Этот одноэтажный деревянный дом (5х6), покрытый железом, тоже был построен в 1908 году на средства Глазовой. «В одной связи» размещались прачечная, конюшня и два сарая. Видимо, где-то рядом был и рубленный из бревен ледник, обложенный дерном.

Ольга Александровна сама приобрела для храма всю церковную утварь и, по мере надобности, покупала все необходимое в последующие годы. Кроме того, она вкладывала средства в ремонтные работы, которые время от времени случались.

При церкви имелись две деревянные часовни, крытые тесом: «одна старая на кладбище в 200 саженьях, а другая новая на Морьенском носу в двух верстах от церкви». Местная легенда рассказывает, что вторая часовня была построена в память о счастливом спасении рыбака, выброшенного волнами Ладожского озера как раз в том месте. Он рассказал священнику, что спасся благодаря молитвам, которые читал, пока буря носила его на какой-то шепе от разбитой лодки по озеру. И священник посоветовал ему построить на берегу часовню.

Впрочем, эта версия не единственная, и причиной строительства мог быть повод более прозаический, к примеру, смерть родственника Глазовой.

Крестный ход в престольные праздники всегда совершался одним и тем же маршрутом: от храма процессия шла на Морьин нос, обходила часовню

по кругу и возвращалась обратно. До нашего времени ни одна из часовен не сохранилась.

Клировые ведомости свидетельствуют, что «крестьянами Морьенского сельского общества по приговору дано в вечное пользование церкви около семи десятин земли (усадебная вместе с погостом. — Ред.) с болотисто-каменистой почвой, на которой растет мелкий лес». С тех пор растительности там не прибавилось: всё тот же редкий лес и малопригодная для сельскохозяйственной обработки почва.

Побережье Ладожского озера в климатическом плане — место не самое комфортное для проживания. Видимо, при строительстве не был учтен фактор постоянной сырости — в алтаре не сделали печей, а в полу — отдушины. Поэтому в 1915 году паркетный пол в алтаре храма стал значительно оседать. Когда небольшую часть паркета разобрали, выяснилось, что черный пол, сделанный из дюймовых досок, подгнил. Епархиальное начальство разрешило перемостить паркетный пол за счет храмосоздательницы Глазовой, но «с тем, чтобы не был сдвинут с места святой престол».

Переписка по поводу ремонта паркета — единственное из найденных в документах упоминание об интерьере Морьенской церкви. Из воспоминаний старожилов ещё известно, что внутри здания была винтовая лестница.

Петрофонская церковь — очень красивое храмовое сооружение, выполненное в стиле краснокирпичной эклектики с мотивами народного искусства, который широко применялся в начале XX века. Очень похожее по стилю здание стоит в селе Гора-Валдай Ленинградской области: хорошо сохранившаяся церковь Святой Троицы была спроектирована современником А.В. Кенеля, петербургским архитектором В.А.Косяковым, а освящена примерно в то же время, что и храм в Морье, — в 1903 году.

Думаю, что описание этой церкви подойдет и к нашему храму: «Однокупольная с колокольней церковь Святой Троицы была спроектирована в русском стиле, имитирующем приходские храмы XVII столетия, получившие широкое распространение в городах средней полосы России. Их расчлененные объемы с шатровой колокольней, луковичными главками на тонких шейках, крыльцами на пузатых колонках, папертями, террасами и лестницами, их декоративные фасады... были красочны и живописны».

Морьенская церковь сохранилась значительно хуже, чем храм в селе Гора-

Валдай. Во время Великой Отечественной войны в здание со стороны Ладого попал снаряд, пробоину наскоро заложили кирпичом. Но самые значительные повреждения, судя по внешнему виду, претерпел свод. От оцинкованной крыши, окрашенной серой краской, практически ничего не осталось.

Но стены — в хорошем состоянии, благодаря тому, что церковь сложена из прочного кирпича очень высокого качества. На окнах сохранились кованые решетки.

Неплохо бы провести техническую экспертизу состояния здания, пока оно не подверглось сильному разрушению, чтобы спустя годы не кусать локти от того, что было упущено драгоценное время для восстановления храма.

Подвижник и просветитель

Первым настоятелем церкви Петра Афонского и Святой княгини Ольги был священник Николай Сергеевич Телятников, родом из крестьян Красносельской волости Царскосельского уезда, родившийся 12 июня 1865 года. В 1886 году он окончил курс учения в Гатчинской учительской семинарии и вплоть до 1890 года учил грамоте крестьянских детей Красного Села, приспособив для школы квартиру в доме отца и приобретя на собственные деньги классную мебель.

Настоящий подвижник-просветитель, Н.С. Телятников много физических и моральных сил отдавал обучению необразованного крестьянского люда. Он попросил позволения Санкт-Петербургской епархии открыть школу грамоты, что ему и было разрешено. Наплыв желающих учиться — как детей, так и взрослых — был так велик, что он добился переименования открытой им школы в церковно-приходскую.

В годы своего учительства в Красном Селе Телятников составил хор певчих при Троицкой церкви.

За участие в первой Всероссийской переписи населения Н.С. Телятникову была пожалована Высочайше утвержденная Темно-бронзовая медаль на ленте из государственных цветов.

Позже он служил учителем в Мартышкинской церковно-приходской школе № 2152, был псаломщиком Мартышкинской Богородицкой церкви Петергофского уезда. Там тоже организовал хор певчих из взрослых мужчин, девушек и школьников.

Деятельность талантливого просветителя не осталась без внимания правительства, и 17 ноября 1902 года «Высочайшим указом за десятилетние труды по народному образованию» ему была пожалована медаль с надписью «За усердие» на Александровской ленте.

В Мартышкино Н.С. Телятников открыл Александровское общество трезвости, а также воскресную школу для взрослых, где был и заведующим, и

законоучителем. В Доме трезвости по разрешению Учительского совета СПб епархии он основал также школу для малолетних детей, где сам и учительствовал.

Когда в деревне Морье открылась новая церковь, митрополит Антоний определил туда Н.С. Телятника на священническую вакансию — резолюция была подписана 14 января 1905 года. Рукоположен в священники он был 23 января 1908 года и тогда же утвержден епархиальным начальством в должности законоучителя Морьенской земской школы.

Школа при Морьенском приходе была небольшая, двухкомплектная, там он обучал детей славянской грамоте и церковному пению, причем безвозмездно.

Приход у священника Телятника был небольшой: в селе Морье — 59 дворов: 147 мужчин и 145 женщин; в д. Выселки, в полтора верстах от церкви, — 9 дворов: 13 мужчин и 17 женщин. Итого: 68 дворов — всего 322 человека. Но, по преданиям, морьенского священника люди очень любили, и в праздничные дни в церковь начиналось настоящее паломничество из близлежащих и отдаленных населенных пунктов.

В семье священника было двое детей: дочь Ольга и сын Сергей, о судьбе которых ничего не известно.

Псаломщиком в Петрофонской церкви в то же время был крестьянин села Ириновка Алексей Николаевич Бочаров. Он окончил курс учения в одноклассной церковно-приходской школе и вначале был допущен в каче-

стве учителя в школу грамоты в д. Ваганово, затем учительствовал в Морьенской, а позже — в Кокоревской церковно-приходских школах.

Революционная буря, накрывшая Россию в 1917 году, коренным образом изменила жизнь многих людей, а «служителей культа» — в особенности. С этого времени теряется нить нашей истории. Двадцатилетний период существования Петрофонской церкви — с 1918 до 1938 года — пока восстановить не удалось, но поиск документов продолжается.

К счастью, сведения об иерее Телятнике в церковных источниках сохранились. Известно, что в 1918 году он вновь оказался в Красном Селе, где служил до 1930 года. 27 августа 1930 года Н.С. Телятников был арестован по групповому делу «истинно православных» и осужден Коллегией ОГПУ по обвинению в участии в контрреволюционной монархической организации на три года лишения права проживания в 12 пунктах страны. Во время следствия его около года содержали в ДПЗ Ленинграда, а затем сослали в г. Козельск Калужской губернии, где он жил до 1933 года, а затем вернулся в Красное Село. В 1935 году Коллегия ОГПУ снова вспомнила об опальном священнике и приговорила его к высылке за пределы Ленинградской области на десять лет.

Последующий путь иерея Телятника таков: настоятель Покровской церкви в пос. Егерская Слобода, настоятель церкви св. Иова Многострадального на Волковом кладбище в Ленинграде. Скончался он в 50-х годах, точная дата его смерти не известна.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Приписная к храму Святого великомученика Георгия Победоносца на Дворцовой площади церковь Петра Афонского и Святой княгини Ольги, как выяснилось, из официальных списков храмов Санкт-Петербургской епархии не вычеркнута, и это радует. О том, какие планы имеются у высшего церковного начальства насчет Морьенского храма, узнать не удалось. Но в последние годы идет активный процесс передачи храмовых сооружений в собственность Русской Православной Церкви, а значит, есть надежда на реставрацию. Нельзя же, в конце концов, разбрасываться памятниками архитектуры, каковым, несомненно, является Петрофонская церковь.

Мне уже не раз доводилось слышать мнение, что нет смысла восстанавливать храм в Морье, поскольку большого прихода там не будет. Деревня, поглощенная полигоном, насчитывает в настоящее время всего несколько семей, которые попадают домой только через КП по особым пропускам. Не могу согласиться с таким мнением.

Если земли военного полигона в будущем не потеряют своего значения, то почему бы Министерству обороны на собственные средства не восстановить храм — и для поддержания института военного духовенства, и для оздоровления морального климата в армии. Из малых «домашних» церквей, которые уже существуют в некоторых войсковых частях, можно было бы перенести праздничные службы в большой полковой храм, отмечать там события, значимые как для армии, так и для Эличного состава.

В случае, если полигон со временем прекратит свое существование, то восстанавливать церковь всё равно необходимо. Красивейший храм на берегу Ладожского озера вполне может войти, наряду с островами Валаам и Коневец, в маршрут православного паломничества по Ладожскому озеру.

А за прихожанами дело не станет. Конечно, требуется приложить некоторые усилия, чтобы добраться до Морье, но Дорога к Храму и не должна быть легкой.

Нина УСТИЧЕВА
Фото Антона ЛЯПИНА

